

УДК 323.272(5/6) + 316.423.3 + 316.462

И. Д. Звягельская

ПРОТЕСТНЫЙ ПЕЙЗАЖ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ (АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Аннотация: Одним из вызовов, с которым столкнулись арабские государства и в значительно меньшей степени государства Центральной Азии, является рост протестной социальной активности. На Ближнем Востоке она прокатилась волной по нескольким странам, вызвав политические изменения, а в сочетании с внешним вмешательством даже разрушение государственности. В Центральной Азии отдельные выступления не вышли за рамки местных столкновений. В обоих регионах имелись схожие причины, которые провоцировали рост недовольства – коррупция, слабость институтов, плохое управление, экономические проблемы, анклавная модернизация. В то же время формы протеста, методы мобилизации и его масштабы оказались принципиально различными. В статье предпринята попытка рассмотреть особенности современных революций и социального протеста, возможности эволюционных изменений и причины устойчивости режимов на примере государств Ближнего Востока и Центральной Азии.

Ключевые слова: арабские страны, Центральная Азия, политический режим, революции, трансформации, социальный протест

Irina D. Zvyagelskaya

THE PROTEST SCENERY AND POLITICAL REGIMES (THE ARAB COUNTRIES AND CENTRAL ASIAN STATES)

Abstract: The Arab countries and, to a lesser extent, Central Asian states have been faced with a challenge of a growing social protest. In the Middle East it has revolutionary swept through several countries, causing political changes, and when combined with external intervention, even the degradation of a statehood. The protest movement in Central Asia has not gone beyond local clashes. In both regions, there were similar reasons that provoked the growth of discontent: corruption, weak institutions, poor governance, economic problems, enclave modernization, but the forms of protest, methods of mobilization and its scale were fundamentally different. The article attempts to consider the features of modern revolutions and social protest, the possibility of evolutionary changes and the reasons for the stability of regimes using the Middle East and Central Asia as case studies.

Key words: Arab countries, Central Asia, political regime, revolutions, transformations, social protest

Революции или трансформации?

Различные формы революционных и эволюционных изменений становятся в современную эпоху все более размытыми, и прежние, казавшиеся незыблемыми определения к ним не подходят. «Только там, – писала американский философ

Ханна Арендт, – можно говорить о революции, где изменение обретает черты нового начала, где насилие используется в целях учреждения совершенно иной формы правления, создания нового государства, где целью освобождения от угнетения является по меньшей мере установление свободы» [1, с. 40]. Такое привычное понимание революции как социального катаклизма, ведущего к смене общественно-политического строя и экономического уклада, все меньше может быть применено к современным социально-политическим выступлениям на Арабском Востоке, в Центральной Азии, да и в ряде западных стран, где они были менее масштабны, но достаточно остры.

Внешнее сходство не случайно: современные тренды указывают на общие слабости политических систем, но в разных обществах похожие проблемы неизменно будут решаться по-разному, в зависимости от уровня традиционности, наличия институтов, способных снять остроту нарастающих противоречий, методов и масштабов мобилизации. В принципе революции (чтобы называться таковыми) должны включать в себя свержение власти, массовую мобилизацию, создание новых институтов и идею справедливости. Если перевороты, мятежи, социальные движения не могут называться революциями, то, во всяком случае, они являются частью революционного процесса, который может перерасти в революцию, но вовсе не обязательно. В свою очередь протест может быть подавлен, может затухнуть, завершиться реставрацией и ужесточением режима (Египет), частичной либерализацией политической системы (Тунис) или перерасти в затяжную гражданскую войну (Сирия).

Попытки применить структурную теорию революции к разнородным событиям или, по крайней мере, использовать термин с некоторыми уточнениями (бархатная, цветная) свидетельствует о том, что это явление становится все более усложненным и старые подходы к нему, отталкивающиеся от опыта Великой французской революции или Октябрьской революции, представляются не вполне адекватными.

Главное в революции – это существенные изменения в развитии общества, но не обязательно сопровождающиеся разрухой, жертвами и большой кровью. Эти последствия влечет за собой гражданская война, но не изменения системы. Такие изменения могут быть и революционными (то есть быстрыми и достаточно кардинальными), и эволюционными, происходящими постепенно и с дозированной скоростью.

Нередко за революцию выдается социальный протест, который в развивающихся, переходных и фрагментированных обществах имеет свою специфику как с точки зрения целей, так и особенностей мобилизации на этнической, родоплеменной или конфессиональной основе.

Переходное общество – это продукт кризиса старых систем управления, экономических структур, идейных установок и одновременно среда для реформирования и появления новых социальных и имущественных отношений. Период транзитивности может характеризоваться нарушением прежнего социального контракта (при всей условности этого понятия в развивающихся государствах), процессами, ведущими к еще большему имущественному, политическому и культурному разрыву между верхушечными слоями и низами. Маркерами переходного общества могут служить такие различные, но на самом деле внутренне связан-

ные явления, как фрустрация отдельных социальных групп, несовершенство законодательства, недоверие к большинству существующих институтов. Социальный протест внутренне присущ обществам с неустоявшимися и постоянно меняющимися правилами игры и формами социального взаимодействия.

В целом протест порожден отчуждением, относительной депривацией и маргинализацией, но выходит он на авансцену только тогда, когда эти проблемы осознаются частью общества. Данное явление можно рассматривать в рамках изучения социально-психологических характеристик общества с упором на деструктивное поведение толпы, которое легко становится агрессивным, приводя к поджогам, мародерству, насилию. Однако причины, активизирующие действия толпы, и характер ее поведения определяются не только и не столько психологическими особенностями, а скорее культурными характеристиками и социальными условиями.

К факторам, усиливающим социальную фрустрацию в переходном обществе, можно отнести процессы модернизации, приводящие прежде всего к усилению государственного аппарата, который в ходе реформ не становится более эффективным. «Характерна подмена модернизации общества модернизацией государства – его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики. Переход от одной фазы модернизации к другой, как правило, сопровождается сильными потрясениями, характеризующиеся ломкой основных социальных институтов, регулирующих поведение» [18, с. 271].

Арабский мир дает примеры революций, происходивших в разных исторических контекстах. В середине XX в. это была борьба за освобождение и новую государственность. В первом десятилетии XXI в. это – разочарование, незавершенность «государства мечты», провалившиеся надежды, которые инициировали жесткую реакцию. Пришло новое поколение с другими жизненными установками, которое было готово предъявить счет государству и элите, формирование которых завершило этап революционной борьбы их отцов.

В Центральной Азии появление независимых государств не было результатом всплеска национально-освободительного движения, протеста и насильственных действий. К нему привело разрушение государственности, которая многих устраивала. Не было столь глубокого разочарования и раздражения, как на Ближнем Востоке. Исключение составляет таджикский конфликт, но и здесь борьба велась не против «советскости», а за перераспределение региональных ролей, за доступ к власти обойденных в этом смысле элит.

В переходных обществах бюрократию, уже не связанную жесткими узами тоталитаризма и одновременно лишенную общественного контроля, отличает игнорирование права, формирование собственных корпоративных интересов и связей, подбор кадров по принципу лояльности и принадлежности к родственным или социально близким группам, использование бюджетных средств для собственного обогащения, что особенно заметно при ограниченных ресурсах.

Примеров можно привести много. Так, характеризуя особенности созданной Бен Али системы управления в Тунисе, директор Центра Брукинса в Дохе Шади Хамид писал: «В отличие от Бургибы он не цементировал свое правление через

широкую систему патрон-клиентских отношений или поддержки влиятельных элит. Бен Али, будучи относительным аутсайдером, не обладающим собственной политической базой, вместо этого сконцентрировал власть внутри маленького кружка, включая членов своей семьи, которые требовали своей доли почти в каждом секторе экономики» [22, р. 111]. В Ираке Саддам Хусейн опирался на собственное близкое окружение, в Сирии пытавшийся сначала что-либо изменить Башар Асад оказался в цепких объятиях старой бюрократической верхушки. В Центральной Азии при распределении должностей интересы групп лояльности неизменно принимались во внимание.

Это обстоятельство свидетельствует не только о меньшей управляемости всех процессов, но и о растущем разрыве между властью и обществом, где бюрократия становится дополнительной непрозрачной границей, блокирующей возможность обратной связи. (Кстати, даже в отличие от архаичных династических или патерналистских режимов, где всегда существовала практика подачи прошений и жалоб властителю во время регулярных аудиенций).

Отсутствие у правящего режима четких и понятных механизмов смены власти может стать одним из важных импульсов к революционным выступлениям. Российские исследователи Л. Е. Гринин, Л. М. Исаев и А. В. Коротаев отводят этому фактору одну из важнейших ролей. «Исходя из сущности авторитарного режима, передача власти должна идти по классическому или византийскому принципу (к сыну или родственнику, либо к назначенному преемнику). Однако в современных условиях такие попытки противоречат декларированным принципам народовластия и демократии» [8, с. 19].

Неопределенность процесса преемственности, равно как и определенность, отодвигающая на задний план представителей прежней бюрократической элиты, способны стать триггерами протестов, в том числе спровоцированными расколом элит. Такой сценарий является вероятным, хотя и не единственным. В условиях долголетнего несменяемого лидерства в обществе вырабатывается страх перед неизвестностью в случае его ухода. Даже отдаленная и в принципе мало реальная перспектива отказа первого лица от властных полномочий воспринимается наименее социально защищенными слоями (и не только ими) как катастрофа, как уход единственного в своем роде лидера нации, не имеющего достойной замены¹. Для них вариант назначения преемника, лишенный любых случайностей, – скорее средство избавления от страха неопределенности, чем призыв к революции из-за несоответствия процедуры «принципам народовластия и демократии».

К попыткам общего анализа социальных катастроф можно отнести теорию их ритмичности, подразумевающую значительно большее влияние на формирование мощных протестов неких общих социальных характеристик (при наличии и внешнего фактора). Наличие в массах определенных настроений и предчувствий при достижении обществом уровня социальной критичности, определяемой запасенной

¹ Так, например, один из респондентов из Павлодарской области Казахстана отмечает: «Я переживаю, чтобы президент как можно дольше был у власти. Вот если он сменится, то тогда кто его заменит, как оно будет. А он нам как родной, пусть будет дольше, служит до конца дней своих» [цит. по: 14, с. 185].

энергией и вовлеченностью в динамические процессы, периодически могут критически дестабилизировать общество. Это можно рассматривать как наступление вполне предсказуемого периода, который отделяет от предыдущего цикла порядка 50 лет [см.: 11]. Действительно, «арабское пробуждение» в период формирования национально-освободительного движения и освобождения от колониальной зависимости имело место в основном в период с середины 1950-х до конца 1960-х гг. «Арабская весна» случилась через два-три поколения. То же можно сказать и о социальных потрясениях в СССР, которые стали набирать силу в конце 1980-х гг.

В транзитивных обществах переход от полной сервильности к массовому противостоянию власти происходит особенно быстро, соответственно и причины взрыва порой ускользают от взгляда стороннего наблюдателя. Отсюда проистекает стремление во всем винить внешние силы, которые намеренно раскачивают ситуацию во имя реализации собственных интересов. Проблема заключается в том, что раскачать эту ситуацию в любой период общественного развития невозможно. Общество должно подойти к определенной черте, и только тогда внешние силы могут использовать (успешно или не очень) накопившийся критический потенциал. Сказанное не означает ни отрицания фактора вмешательства, ни демонстрационного эффекта, имевшего место в период арабских трансформаций. Однако при этом развитие протеста в каждой арабской стране пошло по собственному сценарию, отражавшему уровень, степень и формы консолидации и фрагментированности, а также роль бюрократического аппарата и властных структур. Наряду с общими причинами, которые можно отнести к триггерам социального протеста и которые носят достаточно универсальный характер, в переходных обществах протестные выступления имеют свои особенности и легко трансформируются в более традиционное (или даже архаичное) по сути межэтническое, межплеменное или межконфессиональное столкновение.

И здесь необходимо сделать отступление общего характера, касающееся соотношения между уровнем репрессивности режима и возможностью оппозиции вести успешное сопротивление. Считалось, что эта возможность в условиях диктатуры стремится к нулю. Эксперты Стэнфордского университета провели специальное исследование, в котором рассмотрели эту ранее не подвергавшуюся сомнению максиму. В соответствии с их выводами, чем более репрессивным является режим, лишенный основных политических и гражданских институтов (как это было в Ливии), тем больше шансов для победы у протестующих, коль скоро они выходят на улицы, преодолев страх репрессий. «Во-первых, более репрессивные режимы в принципе имеют больше возможностей не дать гражданам выйти на улицы. Там, где граждане в случае организации протестов сталкиваются с такими рисками, как тюремное заключение, пытки и убийства, улицы, как правило, остаются пустыми большую часть времени. Во-вторых, протесты, начинающиеся в более репрессивных автократических режимах, имеют больше шансов перерасти в успешное восстание. Если граждане готовы выйти на улицы и протестовать, несмотря на значительные риски, их настойчивость создаст очень сильный и информативный сигнал относительно мощи антиправительственных настроений и слабости режима. По контрасту, когда автократические режимы более терпимы к

антиправительственным демонстрациям, протест не имеет таких же шансов вызвать массовые выступления. Когда протест становится рутинным, информация относительно его потенциала минимизируется» [23].

Вероятно, шок протестов для репрессивного режима всегда выше, чем для нерепрессивного, так как он не имеет реальной возможности психологически подготовиться к ним, будучи уверенным в действенности механизма рутинных репрессий. Однако больший шанс на свержение такого режима может появиться только при определенных обстоятельствах, и эти обстоятельства в значительной мере определяются как готовностью такого режима на крайние меры, так и внешними факторами. Собственно это и произошло в Ливии и в Сирии. Что касается менее репрессивного режима (египетского, например), то его явное ужесточение после свержения президента Мурси, запрет на деятельность братьев-мусульман, включая и ХАМАС, а также вынесенные в марте 2014 г. смертные приговоры сотням исламистов, делают этот режим очень опасным для оппозиции. Но именно при усилении его репрессивности полученный опыт антиправительственного протеста может превратить отдельные очаги сопротивления в массовые.

К взрыву в арабском мире в 2011 г. вели накапливавшиеся годами проблемы: резкое омоложение общества, появление образованных людей, не способных найти себе применение, бедность, вытеснение сельского населения в города и его маргинализация, коррупция, ставшая системным фактором, увеличивающийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной группой и остальной частью населения, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективную экономическую модель, отставание развития производительных сил и зависимость от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления. С их помощью поддерживались политика этатизма и малоэффективный госсектор, что в конечном итоге привело к сокращению производственной деятельности частного сектора и процветанию очень ограниченной части общества.

Надо отметить, что базовые противоречия накапливались постепенно и характер арабского пробуждения формировался под влиянием таких принципиальных проблем, как незавершенность процесса создания национальных государств. Это означало, что на фоне достаточно сложной социально-экономической обстановки и исключенности из политического процесса основной части населения сохранение и даже укрепление этнической, конфессиональной, региональной идентичности стало естественным выбором для неудовлетворенного своим положением и фрагментированного общества.

Если исключить нефтедобывающие страны, арабский мир имел в среднем один из самых низких показателей ВВП на душу населения. Нарастали экономические и социальные проблемы. Арабские нефтеимпотирующие государства оставались на периферии мирового хозяйства. С одной стороны, они испытывали давление общих мировых экономических трендов и нараставших кризисных явлений, но, с другой, для них были присущи свои особенности развития, которые не только не позволяли смягчить действие внешних факторов, но и способствовали мощному росту недовольства. В 1980–1990-е гг. арабские страны проводили серьезные реформы, обозначившие переход к рыночной экономике, однако в целом они

оказались неспособными обеспечить устойчивое развитие. Рыночные реформы углубляли социальное неравенство и одновременно приводили к формированию среднего класса и тех слоев буржуазии, которых не устраивала зависимость от эгоистических и неадекватных действий разросшегося бюрократического аппарата и которых симбиоз власти и собственности лишил как экономических, так и политических перспектив. По мнению российского экономиста А. О. Филоника, «ущемление большой группы “неоперившихся” предпринимателей активизировало недовольство и в близких им стратах. Сопровождаемое ропотом, а затем и открытым протестом постепенно люмпенизирующихся и разуверившихся в рыночной идеологии людей, оно обеспечило общую эффективность усилий по демонтажу старой власти» [16, с. 34].

В условиях сосуществования и взаимовлияния привычной системы авторитарного управления и постепенно формировавшихся, но все еще слабых политических и гражданских институтов возникало поле для политической конкуренции, деятельности оппозиции, критического анализа происходящего. Незавершенность этих процессов и попытки режима вновь закрутить гайки сужали возможности компромисса и подталкивали общество к противостоянию власти. Провокационную роль всегда играет негативная динамика происходящих процессов – не высокие цены, а их неожиданные скачки, не поддержание сложившихся (неидеальных) отношений между властью и обществом, а ограничение даже скромных, но уже ставшими привычными гражданских свобод.

Справедливо считается, что большое значение для развертывания протестного движения имеет общий социально-экономический фон, но начало «арабской весны» лишь подтверждало правило, что революции с достаточно четко сформулированными целями происходят не в самых бедных странах, а скорее в отличающихся хотя бы анклавной модернизацией и не закрытых полностью от внешнего мира. Так, американский исследователь Дж. Дэвис обращает внимание именно на этот феномен. «Революции происходят тогда, когда наблюдается некоторое улучшение условий жизни людей. Когда стандарты жизни начинают расти, уровень ожиданий тоже возрастает. Если же улучшение фактических жизненных условий замедляется, создаются предпосылки к возмущению, поскольку растущие ожидания не сбываются» [21].

Особенно много психологических и материальных проблем возникало у тех представителей молодого поколения, которые получили образование, но не нашли работы, затратив большие деньги на приобретение специальности, а затем, вопреки надеждам, оставшись обузой для семьи. Высшее образование считалось надежным социальным лифтом, но в условиях роста числа выпускников в 2000-е гг., жесткой иерархии в обществе и роли протекции этот механизм перестал срабатывать. Стремление устроиться на госслужбу как наиболее защищенную и доходную могло быть удовлетворено лишь для единиц. Именно эти социальные слои, представлявшие собой невостребованный человеческий капитал, были остро заинтересованы в переменах, и они вышли на улицы, используя современные методы оповещения и мобилизации, требуя избавления от несменяемых коррумпированных лидеров и либерализации общественной жизни.

Революционные движения в арабских странах имели важную общую черту – в их основе не было ресурсной мобилизации, т. е. построения революционных партий, союзов и низовых ячеек и групп. Это не означало отсутствия активности со стороны уже существовавших партий и организаций, но не они стали главными агентами мобилизации. Скорее она осуществлялась на основе того, что известный теоретик революции Джек Голдстоун называл протестной идентичностью. По его мнению, «протестная идентичность – чувство привязанности и преданности к протестной группе – имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа – если она обеспечивает конкретные выгоды либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добиваясь перемен, – наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность. В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности» [7, с. 76].

Вирус арабского возмущения прежде всего затронул тунисское общество, и толчком к протестам стал трагический, но частный эпизод – самосожжение 17 декабря 2010 г. мелкого розничного торговца Мохаммеда Буазизи. Его страшный поступок немедленно всколыхнул молодежь, составлявшую более 60 % безработных [15], студентов, рабочих, людей иных профессий. Эти люди, глубоко недовольные состоянием дел в стране, не имеющие реальной возможности применить свою квалификацию, постоянно сталкивающиеся с коррупцией и вымогательством, были объединены главным лозунгом – требованием отставки президента Бен Али, правившего страной 23 года.

Как представляется, начало «арабской весны» в Тунисе лишь подтверждало правило, что «революционные настроения появляются не в ситуации кризиса, а когда кризис закончился и становится лучше. В этой ситуации люди перестают терпеть и начинают требовать. И в этой ситуации появляется запрос на перемены» [6].

В 2010 г. ниже уровня бедности в Тунисе жило только 3,8 %. Средний класс составлял 60 % населения, и на его долю приходилось 83 % потребления [15]. Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что экономический рост углубляет неравенство, включая и диспропорции в развитии отдельных районов: в Тунисе это были успешно развивающиеся прибрежные и депрессивные внутренние районы.

В условиях кризиса элит, их отставания от современных процессов, стремления с помощью манипуляций сохраниться у власти, разрыв между правящими кругами и обществом (не только имущественный) является важным условием перехода к революционным действиям. Именно наиболее образованное и спо-

собное рассуждать население воспринимает существующие порядки не только как несправедливые, но и как оскорбительные, как попирающие их достоинство. Причем попытки определить точку бифуркации как правило обречены на провал. «Утрата авторитета власть имущими, которая предшествует всякой революции, на деле не представляет секрета ни для кого, поскольку признаки ее лежат на поверхности, хотя и не обязательно бросаются в глаза; однако симптомы ее: общая неудовлетворённость, презрение к власти предержащим и тому подобное никогда не бывают однозначными, а потому их невозможно выявить никаким опросом общественного мнения» [1, с. 362–363].

В каждой арабской стране имелись собственные причины недовольства (социальные проблемы, конфессиональные разногласия, племенное соперничество) и собственные движущие силы, но при этом существовали и общие знаменатели – стремление избавиться от дискредитировавших себя режимов, погрязших в коррупции элит, не пользующихся доверием населения, игнорирующих вызовы современности и озабоченных собственным сохранением любой ценой.

Нарастали экономические и социальные проблемы. Арабские нефтеимпотирующие государства оставались на периферии мирового хозяйства. С одной стороны, они испытывали давление общих мировых экономических трендов и нараставших кризисных явлений, но, с другой, для них были присущи свои особенности развития, которые не только не позволяли смягчить действие внешних факторов, но и способствовали мощному росту недовольства. В 1980–1990-е гг. арабские страны проводили серьезные реформы, обозначившие переход к рыночной экономике, однако в целом они оказались неспособными обеспечить устойчивое развитие.

Как представляется, процесс «арабского пробуждения» отразил новые тенденции во взаимодействии общества и власти. При наличии определенного (не обязательно критичного) уровня недовольства достаточно незначительного толчка, чтобы в кратчайшие сроки обрушить казавшуюся нерушимой систему. XX в. был периодом, когда перевороты в арабских странах заранее готовились сравнительно узкой группой заговорщиков, а затем о перевороте объявляли не ведавшему о нем народу. В XXI в. перевороты стали происходить по совершенно иной схеме: толчок – массовые демонстрации – свержение главы государства. Относительная быстрота и легкость процесса, не требующего явных лидеров, обусловили, судя по всему, его воспроизведение сразу во многих арабских государствах. А дальше развитие событий зависело от возможности и готовности правящих элит применить силу или пойти на компромисс, а также от готовности к вмешательству региональных и внерегиональных акторов.

Социальный протест или мятеж?

Государства Центральной Азии не переживали революций, но в центрально-азиатских обществах имеется свой набор общих социально-экономических и политических проблем, которые при определенных обстоятельствах способны подтолкнуть к социальным взрывам. Вхождение в рыночную экономику оказалось для центральноазиатских обществ достаточно болезненным. И потому, что рынок

означает куда большую неопределенность и риск, чем регулируемая экономика «социалистического периода», и потому, что он явился в весьма специфическом обличье с деформированными формами, которые подверглись еще более угрожающей эволюции под воздействием клановости, nepoтизма, бюрократического рвения. В новой рыночной или псевдорыночной среде традиционное общество консервирует привычную систему ценностей.

Региональные, клановые, племенные интересы являются важным фактором формирования политических институтов. В результате – эксклюзивный тип властных структур, имитационный характер выборов и весьма условная многопартийность. Доступ к собственности, обусловленный продвижением по бюрократической лестнице, резко повышает политические ставки. Кланово-семейная система власти приводит к формированию относительно узкой группировки (семьи), которая контролирует большую часть собственности. Поскольку доступ к власти означает доступ к ресурсам, конкуренция элит, естественно, сведена до минимума. Неприкосновенность частной собственности не обеспечивается существующей законодательной базой. Защиту обеспечивает только нахождение у власти. С одной стороны, существующее положение лишает стимулов к труду (неизвестно, сможет ли человек сохранить заработанное и передать его своим наследникам) и неизбежно криминализирует бизнес. С другой стороны, в сложившейся ситуации представители властных структур еще крепче держатся за свои должности и положение.

Борьба за передел власти в условиях традиционного общества имеет высокие шансы вылиться в гражданскую войну. Приход к власти новых группировок не меняет базовых общественных механизмов, что при определенных условиях способно обусловить цикличность мятежей-переворотов. Мобилизация облегчается бедностью населения, сталкивающегося с постоянным ростом цен на товары и услуги. Произошедшая после распада СССР деиндустриализация не только привела к экономическому кризису, но и способствовала формированию мощных слоев маргинализованной молодежи, которые не модернизируются и не «перемалываются» на современных производствах.

События в Киргизии 2010 г., которые одни эксперты называют переворотом, а другие – мятежом маргиналов, поставили вопрос о протестном потенциале и в других государствах Центральной Азии. В Киргизии в силу исторических причин еще не сложилось полнокровное государство: дихотомия Север – Юг, наличие регионального сепаратизма, необеспеченность ресурсами (за исключением воды), означающая и отсутствие средств для сдерживания народного недовольства. Столкновения в Киргизии в апреле 2010 г. и последовавшая за ними отставка К. Бакиева отличаются от событий пятилетней давности, жертвой которых стал А. Акаев. Прежде всего, апрельский мятеж носил исключительно внутренний характер, у него не было никакой внешней подпитки. Можно вспомнить активность некоторых зарубежных фондов и НПО в Киргизии в 2005 г., где относительно либеральный климат открывал широкие возможности для их деятельности. Можно вспомнить и весьма поспешный и исключительно политически мотивированный вывод известной организации «Фридом Хаус», которая после переворота тут же повысила демократический рейтинг Киргизии, полностью игнорируя региональ-

ный характер противостояния. На место северян рвались разбогатевшие на криминальном бизнесе, но лишенные политического ресурса южане.

События 2010 г. даже отдаленно не напоминали схемы «цветных революций». Нежелание местных властей идти на диалог с бунтующей толпой в Таласе стало поводом к мощному и неожиданному взрыву. Не исключено, что мятеж можно было бы отложить или даже предотвратить, если бы власти наверху и на местах окончательно не утратили связи с населением. Тенденция к превращению в закрытую касту, живущую по собственным законам и присваивающую себе общественную собственность, не является новой для государств Центральной Азии, однако особенности Киргизии заключались в перешедшей всякие границы семейственности, которая не оставляла места никому из других влиятельных кланов и родов.

Изменения Конституции, перетасовка парламента, введение «совещательной демократии», призванные обеспечить легитимность правления, на деле приводили к усилению изоляции Бакиева и его семьи, оказавшихся не в силах реалистически оценить обстановку. Хотя политическое поле К. Бакиев сумел успешно зачистить, но даже слабая оппозиция, состоящая из грубо отстраненных от власти бывших соратников и представителей северян, выглядела как единственная альтернатива, что позволило ей перехватить инициативу.

Одним из механизмов выстуллений стало наличие «батырщины» (батыр – богатырь, воин). Так в Киргизии называют молодежные движения из регионов, за которыми стоят крупные региональные авторитеты, прежде всего криминальные. Они используют молодых земляков, не удовлетворенных своим положением и не видящих никаких перспектив в будущем, для обеспечения собственного присутствия в политическом процессе. Не стоит сбрасывать со счета и особенности сформировавшегося веками национального характера и модели поведения. По мнению некоторых киргизских политологов, нынешняя «батырщина» (как метод действий и мобилизации) уходит корнями в то время, когда жившие по ущельям киргизские племена регулярно грабили друг друга, уводя скот и женщин. Это пользовалось полным общественным одобрением и считалось признаком доблести. Нынешние далекие от образования и общепринятой культуры молодые представители регионов осознанно или нет воспроизводят традиционный стиль поведения в борьбе за собственность, которой они лишены. Им, разумеется, не суждено воспользоваться плодами своей победы (если не считать награбленного в ходе погромов), и, обеспечив выигрыш своим руководителям, они вновь будут отброшены к подножью социальной лестницы.

Межэтнические столкновения в Оше в июне 2010 г. по своей природе напоминали кровавые события в Оше в 1990 г. Тогда конфликт из-за земли сразу приобрел межэтническое измерение и перерос в кровопролитные столкновения. «27 мая на территории средней школы № 38 в колхозе им. Ленина, чьи земли вплотную прилегали к городу, на митинг собирается около 5 тысяч киргизов. Туда же прибывают руководители Ошской области. Митингующие дают на руководство области, и председатель облисполкома объявляет, что для застройки будут выделены 32 гектара хлопковых полей колхоза им. Ленина. Жители колхоза им. Ленина воспринимают принятое решение о выводе из оборота 32 га поливных земель как оскорбление узбекского народа. 30 мая на поле колхоза им. Ленина, предназначенном под за-

стройку, начинается многочисленный митинг узбеков (по другим данным – 31 мая). На митинге принимается обращение к руководству Киргизии и области. Среди выдвинутых требований – создание Ошской автономии и придание узбекскому языку статуса одного из государственных. Избрана инициативная группа в составе 24 человек, в нее вошли народные депутаты Киргизской ССР и местных советов. На митинге узбекские жители требуют создания узбекской автономии, предоставления Ошской области самостоятельного статуса, создания узбекского культурного центра, открытия узбекского факультета при Ошском педагогическом институте, требуют сместить с должности первого секретаря обкома, который якобы защищает интересы лишь киргизского населения. Свои требования узбеки передают руководству Ошской области и назначают срок ответа – 4 июня» [см.: 13].

4 июня группы киргизов и узбеков собрались на спорном поле и двинулись разными путями к городу, избивая людей, учиняя погромы. На следующий день в город подтянулись дополнительные группы киргизов, по дороге расправлявшиеся с попадавшимися им на пути узбеками. 5 июня в соседнем городе Узген узбекские жители, составлявшие большинство, изгнали почти всех местных киргизов из города. В ответ в ночь на 6 июня вооруженный отряд киргизов, спустившись с гор, вошел в Узген и начал резню среди горожан-узбеков. В конфликте принимали участие около 30–35 тыс. человек. Резню удалось остановить лишь к вечеру 6 июня, введя в область армейские части.

В 2010 г. события развивались схожим образом: в город стягивались жители близлежащих сел и аулов, присоединяясь к столкновениям. Истребление того, что нельзя унести, – поджоги домов и магазинов, разгром рынка – сопровождалось откровенным мародерством. Агрессивная толпа была нацелена на грабеж и насилие. Слабость институтов, в том числе правоохранительных, принцип этничности в подборе кадров приводил к тому, что милиция в ряде случаев не только не пресекала погромы, но даже выражала сочувствие группам вооруженной киргизской молодежи.

Киргизия дала яркий пример превращения социально-политического протеста в межэтнический конфликт, вылившийся в кровавое противостояние между киргизами и узбеками в Джалал-Абаде и Оше в апреле-июне 2010 г. Оно достаточно целенаправленно организовывалось местными властями, для которых создание образа врага за счет разжигания этнонационалистических настроений сыграло важную инструменталистскую роль, отвлекая наиболее легко воспламеняющиеся слои от реальных бед и проблем – отсутствия электричества, повышения тарифов, обнищания, отсутствия социальных перспектив.

Примером социального протеста, который повлек за собой жесткую реакцию властей и жертвы, являются события декабря 2011 г. в Мангистауской области Казахстана в городе нефтяников Жанаозене, где на забастовку вышли работники местного предприятия «Озенмунайгаз». Часть персонала отказалась выходить на работу, требуя повышения зарплат (точнее, чтобы при начислении зарплат учитывались повышающие коэффициенты). Многие из участников забастовки были уволены. Недовольство по поводу того, как распределяются доходы, связанные с добычей нефти, имеет давние корни. В 1989 г. в том же Жанаозене (в то время он

еще носил название Новый Узень) произошли столкновения и погромы, направленные против выходцев с Кавказа, причиной которых стала транслировавшаяся в межэтническое столкновение крайняя социальная ожесточенность. Для подавления беспорядков пришлось ввести в город спецназ (по некоторым данным, использовалась даже бронетехника) [3].

В контексте жесткого противостояния в Жанаозене в декабре 2011 г. местными властями были предприняты попытки списать происходившие события на протест оралманов (этнических казахов, возвращающихся в Казахстан из соседних государств)². Оралманы ассоциируются в массовом сознании с отсталостью и отсутствием образования. Соответственно, стремление представить события в Жанаозене как оралманский мятеж занижало социально-политическую значимость протеста, концентрировало внимание исключительно на агрессивном поведении толпы, а не на выдвигавшихся политических лозунгах. Обвиняли в подстрекательстве и внешние силы. В любом случае главное состояло в том, что существующая бюрократическая система все больше утрачивала механизмы обратной связи, оставляя насилие со стороны наиболее уязвимой и демодернизированной части общества как единственное средство привлечения внимания к социальным проблемам.

Особенности современного протеста на Ближнем Востоке и в Центральной Азии проявляются не только в его децентрализации, что является обычно показателем гибридности, но и в том, что он, возрождая агрессивную культуру (погромы, поджоги, убийства), сравнительно быстро может трансформироваться в межэтнические и межконфессиональные столкновения. Достаточно вспомнить нападения на коптов в Египте в разгар «арабской весны», обострение межконфессионального противостояния в Бахрейне, наконец, узбекские погромы в Киргизии. Иногда в этом можно видеть намеренное подстрекательство, иногда причина в реальном притеснении той или иной общины или группы, но в любом случае можно наблюдать, как социальный протест в современном мире приобретает новые черты. Его сетевая организация – это вынужденный способ мобилизации в отсутствии идеологии и институтов, способных сформулировать цели и задачи. Это касается прежде всего тех государств, где нет профсоюзов или где их роль является исключительно декоративной. Наличие активного профсоюзного движения необходимо не только для своевременного «сбрасывания пара» за счет нахождения договоренностей с работодателями, но и в плане организации протеста. В этой связи можно напомнить о тунисском опыте «арабской весны», где традиционно высокая роль профсоюзов не только помогла предотвратить перерастание социального протеста в погромы и открытое насилие, а также его маргинализацию, но и стала залогом сравнительной политической успешности.

² По мнению опрошенных изданием «Фергана.ру», оралманы «в основной своей массе это низкоквалифицированные работники, которые могут заниматься обслуживанием, но экономику не поднимут. С политической точки зрения, они как политическая группа себя пока не проявили, а значит, их общественная значимость сводится к той же формулировке: “понаехали тут”, – которая может относиться в равной степени и к оралманам, и к переселившимся в город сельчанам. Если честно, то я вообще не поклонник деления по национальностям; человек должен иметь приоритет на основании личных качеств, а не по генам. Так что такие программы тешат самолюбие молодой республики, но пользы от них мало» [9].

Устойчивость режимов

Приведенные примеры социальных выступлений в арабском мире и в государствах Центральной Азии все же не стоит абсолютизировать. При всей политической значимости «арабской весны» и ее долгосрочного влияния на весь регион и на его положение в системе международных отношений, большинство арабских стран либо вовсе не было затронуто волной протестов, либо быстро справилось с ней, сохранив прежние режимы (Египет) или их реформировав (Тунис).

Естественно, основное внимание исследователей привлекает ситуация в ослабленных или разрушенных в ходе политических трансформаций и внешнего вмешательства государствах – Сирии, Ираке, Ливии, Йемене. В то же время государства с республиканскими (Алжир) и монархическими режимами (Марокко, Иордания, арабские страны Залива), хотя и столкнулись с определенными вызовами, устояли. Такая устойчивость может объясняться различными факторами. Наличием институтов, отражающих особенности местной культуры, легитимностью власти в глазах населения, умелым реагированием властей на накопившиеся проблемы и готовностью к проведению дозированных реформ, финансовыми возможностями режима, направляющего значительные средства на «умиротворение» недовольных и, наконец, репрессивными мерами.

В целом главными факторами, ответственными за устойчивость режимов, являются легитимность и институты. Причем легитимность режимов поддерживается как традиционными институтами, так и модернизированными (партии, НКО, фонды), или интеграцией новых управленцев в элиты и их расширением.

В этой связи интересно замечание российского специалиста И. В. Кудряшовой. Указывая на феномен устойчивости арабских режимов, она отмечала, что дело не в хронической несовместимости ислама с демократией, «а в том, что они имеют свои источники легитимности и управления: традиционные ценности, неопатриониализм, возможность прибегать к силе и неформальным механизмам наряду с современными институциональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом ресурсов и институциональными сбоями» [10, с. 154].

Особую значимость, с точки зрения устойчивости, имеет период транзита, который для авторитарных режимов означает разработку схемы наиболее безболезненной смены власти, лишенной сюрпризов и гарантирующей полную безопасность тем, кто вынужден эту власть передать преемнику. При этом легитимность преемника не должна вызывать сомнений в плане «законности наследования» и харизмы.

Если в Туркменистане смена лидера после смерти президента Сапармурата Ниязова (2006 г.) носила черты патриархальности (про пришедшего ему на смену Г. Бердымухаммедова упорно распространялись слухи, что он является незаконным сыном покойного), то транзит власти в Узбекистане и Киргизии носил иной характер.

Приход к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева не просто явился результатом договоренности элит, но был обусловлен его долголетним пребыванием на посту премьер-министра и полученным опытом.

В Киргизии после истечения шестилетнего срока пребывания на посту президента Алмазбека Атамбаева на этот пост в ходе общенациональных выборов в октябре 2017 г. был избран Сооронбай Жээнбеков, считавшийся кандидатом Атамбаева. Выборы проходили в обстановке жесткой конкуренции. По подсчетам автоматической системы учета голосов, С. Жээнбеков получил 54,81 %, а его оппонент Омурбек Бабанов, лидер парламентской оппозиции, чуть больше 33,74 % голосов [17]. Если Жээнбеков ассоциируется у части электората с крупным южным кланом, состоящим из его многочисленных близких родственников, которые долгое время занимают посты на всех этажах киргизской власти [12], то Бабанов – выходец с севера республики. Таким образом после свержения Акаева у власти сохранились южные кланы.

В целом можно прийти к выводу, что сочетание традиционных подходов и современных механизмов во всех трех республиках обеспечило мирный транзит власти и ее легитимность.

Сохранение базовых элементов незападного политического процесса является важным условием устойчивости режимов в условиях транзита. Попытки немедленно скорректировать их в соответствии с считающимися «правильными» западными моделями приводят к обрушению всей политической системы. Достаточно вспомнить дебаасизацию в Ираке после свержения Саддама Хусейна, которая лишила государство не столько идеологии, сколько управляемости, или результаты проведения свободных выборов в обществах, для которых либеральные ценности были чужды и где важнейшую роль играли этнические или конфессиональные идентичности.

О незападном политическом процессе написано много, и нет необходимости вновь подробно анализировать его основные характеристики. Вместе с тем важно отметить нечеткую отделенность политической сферы от общественных и личных взаимоотношений; серьезные различия в политических пристрастиях отдельных поколений; преобладание эмоционального аспекта над рациональным; слабую зависимость процесса принятия решений от общественных дискуссий; харизматический тип лидерства и т. п. [4, с. 10–11].

Развивающийся в государствах Ближнего Востока и Центральной Азии политический процесс воспроизводит незападную модель или набор ее элементов, которая «в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния» [5, с. 21].

В отличие от западной модели политического процесса, сформировавшейся в обществах, для которых характерен структурирующий характер частнособственных отношений, доминирование товарного производства, отсутствие централизованной власти, в восточных обществах политический процесс являлся результатом доминирования государственной и общинной собственности. Власть была эквивалентна собственности, а общество занимало подчиненную позицию относительно государства. Абсолютизация государства означала, в частности, что государственная мощь не трансформировалась в благодеяние граждан, которые

даже при самых демократических конституциях оставались подданными, подчиненными слившемуся с государственным общинному интересу. Для политических структур было присуще стремление к внутренней устойчивости и консерватизму, в них закреплялось то, что соответствовало нормам корпоративной этики. В условиях, когда двигателем новаций выступал не индивид, а община, любые изменения не затрагивали нераздельности власти и собственности.

Устойчивость режимов напрямую зависит от структуры общества. Теоретически роль гаранта стабильности отводится среднему классу. При этом нельзя сбрасывать со счета то обстоятельство, что стабильность не означает консервацию застоя: средний класс по своей природе стремится к переменам, которые давали бы ему возможность развиваться и ограждали от чрезмерной опеки государства.

Очень часто в транзитивных государствах и обществах процент присутствия среднего класса рассчитывается достаточно формально, исходя из показателей дохода. Эксперты Всемирного банка, подготовившие аналитический материал на эту тему, приняли в качестве критерия линию уязвимости (*vulnerable line*). В соответствии с ней к среднему классу в Египте, Иордании, на палестинских территориях, в Сирии, Тунисе и Йемене можно было отнести людей, уровень доходов которых защищает их от скатывания к бедности, т. е. делает менее уязвимыми. Черта уязвимости проходит на уровне дохода 4,9 доллара в день на человека. По этому показателю в начале 2000-х гг. 36 % населения в целом по региону можно было причислить к среднему классу. Он распределяется и растет неравномерно в различных государствах. В Египте и Сирии его доля составляет до 10 %, (при этом он сокращался в Египте и рос в Сирии), в то время как на палестинских территориях и в Тунисе он был характерен для большинства населения [20, р. 13].

Такой «средний класс» имеет мало общего со средним классом постиндустриального общества³. На Ближнем Востоке и особенно в Центральной Азии к среднему классу относят людей (и они относят сами себя) без учета уровня образования, культурных потребностей и кругозора. Можно полагать, что на деле «средний класс» порой подменяется совсем иной социальной группой, которую в России называли мещанами. К ним относятся люди, добившиеся небольшого и относительного, но все же достатка, позволяющего выбраться из неприличной и унижающей бедности и стать «не хуже других». Собственно уровень их социальных ожиданий невысок, и для них государство остается главным подателем благ. Этот слой не преследует цели освобождения от опеки государства, его представители недостаточно образованы и развиты для того, чтобы самостоятельно выстраивать свою судьбу, а уровень их благосостояния не может стать гарантией свободного выбора.

В арабских государствах и странах Центральной Азии мещанство представляет собой опору режима. Для него все неприятности исходят от внешних сил,

³ Так, американские авторы У. Уорнер и П. Лант «дали, пожалуй, первое целостное описание среднего класса. Они предприняли попытку дать совокупную характеристику его основных черт: 1) значительные уровень дохода и объем имущества; 2) относительная личная автономия, инициативность и высокая экономическая активность; 3) наследуемый культурный капитал, связанный с получением хорошего образования; 4) высокая оценка семьи как ценности» [19, с. 54].

чужаков, а государство ограждает их от бурь внешнего мира. Позволяющий себе умствовать средний класс для застывших в своем развитии авторитарных правителей не слишком удобная категория, а вот мещанство – послушный и не требующий тонкой настройки инструмент.

Наряду с общими для авторитарных режимов способами самосохранения, все же есть и отличия. По мнению отечественного аналитика А. Баунова, авторитарные режимы делятся на две группы – «консервативные, или статические, где поддержка граждан выражается в форме согласия и послушания, и революционные, они же динамические, где власти имитируют поведение главарей народного бунта, снова и снова обновляя свой чрезвычайный мандат... Ключевое различие проявляет себя в том, как эти два типа относятся к провластной низовой инициативе (к инициативе против власти, понятное дело, оба относятся отрицательно). А вот несогласованную инициативу за власть против врагов одни считают полезной и необходимой, а другие ее опасаются: ведь если можно по своему усмотрению выступить за, то тем ниже порог перед тем, чтобы выступить против или забежать вперед» [2, с. 4].

Вне зависимости от используемых тактических инструментов даже харизматические лидеры нуждаются в проверке легитимности и степени общественной популярности. Выборы, референдумы должны не только подтвердить законность пребывания у власти того или иного персонажа, но и продемонстрировать его стойкую поддержку в обществе, которая призвана служить демонстрацией лояльности лидеру и понимания его безальтернативности. Такой «градусник общественной температуры» все же далеко не идеальный инструмент. С одной стороны, высокий процент проголосовавших на выборах в странах Востока во многих случаях не является результатом масштабной подтасовки, а скорее умения организовать процесс. Традиционное общество голосует дисциплинированно, и его представители крайне редко могут позволить себе проголосовать за кандидатуру «второго ряда», добавленную для соблюдения демократических процедур. С другой стороны, это общество может взрываться, не подавая до этого явных сигналов о грядущем массовом выплеске недовольства.

Литература

1. *Арендт Ханна*. О революции. М. : Европа, 2011.
2. *Баунов А.* Хождение в народ и обратно. Российская власть между профессионалами и энтузиастами. М. : Carnegie Endowment for International Peace, 2016.
3. Вероятность «казахской зимы»: версии причин беспорядков в Казахстане // Lenta.ru. 19.12.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/12/19/zhanaozen/> (дата обращения: 19.12.2011).
4. *Воскресенский А. Д.* Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии // *Comparative politics*. Методологические основы научного дискурса. 2010. № 2.
5. *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // *Политические системы и политические культуры стран Востока* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Восток – Запад, 2006.
6. ВЦИОМ: запрос общества на стабильность сменился запросом на перемены // ИТАР-ТАСС. 08.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4469064> (дата обращения: 08.08.2017).

7. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5.
8. Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015.
9. Казахстанские оралманы: Крах операции «переселенец»? // Информационное агентство «Фергана». 24.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7376> (дата обращения: 24.05.2012).
10. Кудряшова И. В. Режимные трансформации на современном Арабском Востоке // Политическая наука. Политические режимы в XXI веке: институциональная устойчивость и трансформации. М.: ИНИОН РАН. 2012. № 3.
11. Лашевская А. Д. Социальный протест и социальная критичность: новые времена // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (14). С. 175–181.
12. Лидер президентских выборов в Киргизии пообещал продолжить дело Атамбаева // РИА Новости. 15.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171015/1506883400.htm> (дата обращения: 3.03.2018).
13. Ошская резня 1990 года. Хронология трагедии // Информационное агентство «Фергана». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6601> (дата обращения: 20.08.2017).
14. «Сумеречная зона» или «ловушки» переходного периода. М.: Meloman Publishing, 2016.
15. Филатов С. Тунисский бунт. Бессмысленный и беспощадный // Русский обозреватель. 21.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-obr.ru/idea/9335> (дата обращения: 15.12.2017).
16. Филоник А. О. Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012.
17. ЦИК Кыргызстана сообщил о лидерстве Сооронбая Жээнбекова на президентских выборах // Новая газета. 15.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/10/15/136160-tsik-kyrgyzstana-soobschil-o-liderstve-sooronbaya-zheebekova-na-prezidentskih-vyborah> (дата обращения: 20.02.2018).
18. Челпанова Д. Д. Теория социальных протестов: эффекты модернизации // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2011. № 4.
19. Шкаратан О. И., Инясевский С. А. Новый средний класс на Западе // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 49–66.
20. Dang Hai-Anh H., Ianchovichina Elena. Welfare Dynamics with Synthetic Panels: The Case of the Arab World in Transition // World Bank. Policy Research Working Paper 7595. March 2016.
21. Davies I. C. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 27:5-19. 1962. California Institute of Technology, Pasadena, CA. [Electronic resource]. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/classics1982/A1982NQ25300001.pdf> (mode of access: 10.02.2018).
22. Hamid Shadi. Tunisia. Birthplace of the Revolution // The Arab awakening: America and the transformation of the Middle East. Washington: The Brookings Institution, 2011.
23. Kricheli Ruth, Livne Yair, Magaloni Beatriz. Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. [Electronic resource]. URL: <http://iis-db.stanford.edu> (mode of access: 12.01.2018).

References

- „Sumerechnaia zona‘ ili „lovushki‘ perekhodnogo perioda [„Twilight Zone“ or „traps“ of the transition period]. (2016). Moscow. Meloman Publishing.
- Arendt, Khanna. (2011). *O revoliutsii* [About revolution]. Moscow, Evropa.
- Baunov, A. (2016). *Khozhdienie v narod i obratno. Rossiiskaia vlast' mezhdu professionalami i entuziastami* [Walking to the people and back. Russian power between professionals and enthusiasts]. Moscow, Carnegie Endowment for International Peace.
- Chelpanova, D. D. (2011). Teoriia sotsial'nykh protestov: efekty modernizatsii [The theory of social protests: the effects of modernization]. In *Vestnik IuRGTU (NPI)*, no 4.
- Dang, Hai-Anh H., Ianchovichina, Elena. (2016). Welfare Dynamics with Synthetic Panels: The Case of the Arab World in Transition. In *World Bank. Policy Research Working Paper 7595*, March 2016.
- Davies I. C. (1962). Toward a theory of revolution. In *American Sociological Review*, 27:5-19, California Institute of Technology, Pasadena, CA. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/classics1982/A1982NQ25300001.pdf> (mode of access: 10.02.2018).

Filatov, S. (2011). Tunisiskii bunt. Bessmyslennyi i besposhchadnyi [Tunisian revolt. Senseless and merciless]. In *Russkii obozrevatel'*, 21.01.2011. URL: <http://www.rus-obr.ru/idea/9335> (mode of access: 15.12.2017).

Filonik, A. O. (2012). Vokrug "arabskoi vesny": sotsial'no-ekonomicheskie protsessy v arabskom mire (obshchee i osobennoe) [Around the "Arab Spring": socio-economic processes in the Arab world (general and special)]. In *Blizhnii Vostok, arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* Moscow, IV RAN.

Goldstoun, Dzh. (2006). K teorii revoliutsii chetvertogo pokoleniia [To the theory of the fourth generation revolution]. In *Logos*, no 5.

Grinin, L. E., Isaev, L. M., Korotaev, A. V. (2015). *Revoliutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolution and instability in the Middle East]. Moscow, Uchitel'.

Hamid, Shadi. (2011). Tunisia. Birthplace of the Revolution. In *The Arab awakening: America and the transformation of the Middle East*. Washington, The Brookings Institution.

Kazakhstanskii oralmany: Krakh operatsii "pereselenets"? [Kazakhstani oralmans: Is it the collapse of the "resettler" operation?]. (2012). In *Informatsionnoe agentstvo "Fergana"*, 24.05.2012. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7376> (mode of access: 24.05.2012).

Kricheli, Ruth, Livne, Yair, Magaloni, Beatriz. (2010). *Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism*. URL: <http://iis-db.stanford.edu> (mode of access: 12.01.2018).

Kudriashova, I. V. (2012). Rezhimnye transformatsii na sovremennom Arabskom Vostoke [Regime transformations in the modern Arab East]. In *Politicheskaya nauka. Politicheskie rezhimy v KhKhI veke: institutsional'naia ustoychivost' i transformatsii*, no 3. Moscow, INION RAN.

Lashevskaya, A. D. (2013). Sotsial'nyi protest i sotsial'naya kritichnost': novye vremena [Social protest and social criticality: new times]. In *Vestnik Permskogo universiteta*, no 2 (14), pp. 175–181.

Lider prezidentskikh vyborov v Kirgizii poobeshchal prodolzhit' delo Atambaeva [The leader of the presidential elections in Kyrgyzstan promised to continue the Atambaev case]. (2017). In *RIA Novosti*, 15.10.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171015/1506883400.htm> (mode of access: 3.03.2018).

Oshskaya reznia 1990 goda. Khronologiya tragedii [The Osh massacre of 1990. Chronology of the tragedy]. (2017). In *Informatsionnoe agentstvo „Fergana“*. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6601> (mode of access: 20.08.2017).

Shkaratan, O. I., Iniashevskii, S. A. (2007). Novyi srednii klass na Zapade [A new middle class in the West]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 49–66.

TsIK Kyrgyzstana soobshchil o liderstve Sooronbaia Zheenbekova na prezidentskikh vyborah [The CEC of Kyrgyzstan reported on the leadership of Sooronbai Jeenbekov in the presidential elections]. (2017). In *Novaya gazeta*, 15.10.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/10/15/136160-tsik-kyrgyzstana-soobshchil-o-liderstve-sooronbaya-zheenbekova-na-prezidentskih-vyborah> (mode of access: 20.02.2018).

Veroiatnost' "kazakhskoi zimy": versii prichin besporiadkov v Kazakhstane [Probability of the "Kazakh winter": the reasons for the riots in Kazakhstan]. (2011). In *Lenta.ru*, 19.12.2011. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/12/19/zhanaozen/> (mode of access: 19.12.2011).

Voskresenskii, A. D. (2006). Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem, politicheskikh kul'tur i politicheskikh protsessov na Vostoke kak chast' diskursa mirovogo kompleksnogo regionovedeniia: obshchie zakonomernosti i spetsifika ikh regional'noi transformatsii [Comparative analysis of political systems, political cultures and political processes in the East as part of the discourse of the world complex regional studies: general patterns and specificity of their regional transformation]. In *Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury stran Vostoka*. Moscow, Vostok – Zapad.

Voskresenskii, A. D. (2010). Spetsifika sotsial'no-politicheskikh protsessov na Zapade i Vostoke v mirovom kompleksnom regionovedenii i sravnitel'noi politologii [Specificity of socio-political processes in the West and East in the world's integrated regional studies and comparative political science]. In *Comparative politics. Metodologicheskie osnovy nauchnogo diskursa*, no 2.

VTsIOM: zapros obshchestva na stabil'nost' smenilsia zaprosom na peremeny [All-Russian Center for the Study of Public Opinion: the public's request for stability was replaced by a request for change]. (2017). In *ITAR-TASS*, 08.08.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4469064> (mode of access: 08.08.2017).

The article was submitted on 10.09.2018